

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15-го января. № 2. 1890 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

О значеніи свидѣтельствъ, подтверждающихъ древность именовсловаго сложенія перстовъ для благословенія.

Одинъ священникъ Пензенской епархіи обратился къ намъ съ просьбою разрѣшить ему недоумѣніе относительно вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія или, говоря точнѣе, объ отношеніи свидѣтельствъ, говорящихъ за древность именовсловаго перстосложенія, къ вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія.— Обыкновенно православные миссіонеры, говорилъ этотъ священникъ, въ подтвержденіе древности троеперстнаго сложенія руки для крестнаго знаменія ссылаются на тѣ свидѣтельства, которыя говорятъ за древность именовсловаго перстосложенія для благословенія. Такъ, напр., указываютъ на то, что въ изображеніяхъ константинопольскаго Софійскаго собора, построеннаго императоромъ Юстиніаномъ (VI в.), открытыхъ подъ штукатуркою англійскимъ архитекторомъ Фоссати, у многихъ святителей благословляющихъ десницы написаны явственно съ именовсловнымъ перстосло-

женіємъ; указываютъ также на изображенія съ именословнымъ перстосложеніемъ, находящіяся въ другихъ церквахъ Константинополя и Россіи—въ древнихъ церквахъ кіевскихъ, московскихъ, новгородскихъ, владимірскихъ, и отсюда выводятъ заключеніе, что въ то время, къ которому относятся эти изображенія, для крестнаго знаменія употреблялось троеперстное сложеніе руки, какое нынѣ употребляется въ православной Церкви. Такое заключеніе, по мнѣнію священника, представляется недостаточно яснымъ и убѣдительнымъ. Изъ перечисленныхъ свидѣтельствъ, говорящихъ за древность именословнаго перстосложенія для пастырскаго благословенія, непосредственно можно вывести только то заключеніе, что для крестнаго знаменія употреблялось особое перстосложеніе, отличное отъ именословнаго, но отсюда еще не видно, что это молитвенное сложеніе руки было именно троеперстное, употребляемое нынѣ православною Церковію, а не двуперстное, какое употребляютъ раскольники-старообрядцы.

Въ разъясненіе изложеннаго здѣсь недоумѣнія можно замѣтить слѣдующее. Какъ въ греческихъ, такъ и русскихъ древнихъ храмахъ, на стѣнной иконописи встрѣчаются совмѣстно изображенія и именословно и двуперстно сложенной благословящей руки. Такъ, напр., въ константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ у изображенныхъ мозаикою святыхъ: священномученика Анеима, Діонисія Ареопажита, Григорія Арменійскаго, Николая Чудотворца и еще трехъ святителей, надпись надъ которыми не уцѣлѣла,—благословляющія руки явственно изображены съ именословнымъ перстосложеніемъ; у Спасителя, пророка Іоны и пророка Іеремии руки изображены съ перстосложеніемъ не явственно опредѣленнымъ, а въ изображеніи св. Григорія Божества перстосложеніе имѣетъ сходство съ двуперстнымъ

сложеніемъ. Равнымъ образомъ на древней стѣнописи Успенскаго собора во Владимірѣ находятся изображенія благословляющей руки и именословныя и близкія къ двуперстному, т. е. такія, гдѣ великій перстъ положенъ на второй составъ четвертаго, а не соединенъ съ концами четвертаго и пятаго, какъ требуется у старообрядцевъ,—но больше именословныя. Это обстоятельство служитъ яснымъ подтвержденіемъ дѣйствительнаго, но такъ упорно и такъ несправедливо отрицаемаго раскольниками, существованія въ древней Церкви особаго перстосложенія для священническаго благословенія, и по преимуществу именословнаго. Признать же несомнѣннымъ древнее существованіе именословнаго и вообще особаго перстосложенія для святительскихъ и священническихъ благословеній *), въ отличіе отъ употребляемаго каждымъ христіаниномъ для изображенія на себѣ крестнаго знаменія,—признать это очень важно для рѣшенія возбуждаемыхъ раскольниками вопросовъ о перстосложеніи. Этимъ, во-первыхъ, опровергается принятое старообрядцами на основаніи Θεодоритова Слова и Стоглава, который и самъ основался на Θεодоритовомъ же Словѣ, ученіе и правило, что должно быть употребляемо одно перстосложеніе и для огражденія себя крестнымъ знаменіемъ и для священническаго благословенія: если несомнѣнно употреблялось и должно быть употребляемо для священническаго благословенія именословное перстосло-

*) Разумѣемъ и двуперстное съ положеніемъ большаго перста на четвертый, которое наиболѣе встрѣчается въ двуперстныхъ сложеніяхъ, и вполне согласное съ принятымъ старообрядцевъ (оба весьма близко подходятъ къ именословному), и встрѣчаемое иногда на древнихъ изображеніяхъ сложеніе великаго перста съ третьимъ и четвертымъ, при протяженныхъ вторымъ и пятымъ.

женіе, которымъ никто самъ на себя не полагаетъ крестнаго знаменія, то значить для этого послѣдняго дѣйствія употреблялось и должно быть употребляемо иное перстосложеніе. Во-вторыхъ, этимъ дается основаніе заключать, что особое сложеніе перстовъ для изображенія на себѣ крестнаго знаменія, отличное отъ перстосложенія благословляющей руки, было и должно быть именно троеперстное: если для благословенія святительскаго и іерейскаго употреблялось, какъ свидѣлствуютъ несомнѣнные памятники древности, и должно быть употребляемо именословное и близкое къ нему двуперстное сложеніе, то какое же въ отличіе отъ него употреблялось каждымъ и должно быть употребляемо сложеніе для положенія на себѣ крестнаго знаменія, если не троеперстное? Въ самомъ дѣлѣ, именословное перстосложеніе благословящей руки встрѣчается на иконахъ древнѣйшаго времени, и значить его употребленіе восходитъ ко временамъ самой глубокой древности, гораздо ранѣе крещенія Руси при св. Владимірѣ; никто даже изъ самихъ старообрядцевъ не станетъ утверждать, чтобы то же именословное перстосложеніе стали употреблять христіане и для изображенія на самихъ себѣ крестнаго знаменія: слѣдовательно, для изображенія на себѣ крестнаго знаменія употреблялось иное, молебное перстосложеніе, отличное отъ перстосложенія благословляющей руки. А такъ какъ вмѣстѣ съ именословнымъ встрѣчается на древнихъ иконахъ и весьма сходное съ нимъ двуперстное сложеніе благословляющей же руки, то значить перстосложеніе молебной руки, какъ отличное отъ перстосложенія руки благословляющей, было не двуперстное, а троеперстное. Если бы сложеніе молебной руки было двуперстное, то чѣмъ бы оно отличалось отъ особаго сложенія благословляющей руки, которое на памятникахъ

древности мы встрѣчаемъ и именовсловное и двуперстное, весьма сходное съ именовсловнымъ? Допустить же, какъ требуютъ Стоглавъ и раскольники, что двуперстное сложение употреблялось и должно быть употребляемо какъ для пастырскаго благословенія, такъ и для изображенія па себѣ крестнаго знаменія, не дозволяютъ безчисленные древніи изображенія именовсловнаго сложения благословляющей руки, представляющія именно свидѣтельство того, что для моленія употреблялось и должно быть употребляемое перстосложение.

Ту же самую истину подтверждаютъ и письменныя свидѣтельства, находящіеся въ книгахъ богослужебныхъ, катихизическихъ и историческихъ. Сюда, напр., относится свидѣтельство, находящееся въ Степенной книгѣ, пересмотрѣнной и дополненной подъ непосредственнымъ руководствомъ митрополита Макарія. Свидѣтельство это говоритъ именно за то, что въ первой половинѣ XV вѣка у насъ, какъ и въ Греціи, употреблялось два различныхъ перстосложения, одно для благословенія, а другое для крестнаго знаменія. Вотъ что именно разсказывается въ Степенной книгѣ: однажды митрополитъ Фотій (1410—1431) посѣтилъ Симоновскую обитель и, обходя монастырскія службы, зашелъ въ пекарню и здѣсь увидѣлъ инока Іону, который незадолго передъ тѣмъ отъ многого труда, воздержанія и непрестанной молитвы заснулъ, и „десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословляше ею. Святитель съ удивленіемъ зряше на нѣ и не повелѣ никому же разбудити его, и, пророчествуя о немъ, глаголаше: разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Іона будетъ великъ святитель въ странахъ русскія земли“ и проч.,—что впоследствии и исполнилось *). Почему это митрополитъ Фотій

*) См. Степенную книгу, степенъ 14-ю, на стр. 37 и 70,

удивился при видѣ спящаго Іоны? Почему изрекъ пророчество, что онъ будетъ великимъ святителемъ? Потому единственно, что Іона, простой инокъ, не имѣющій права благословлять, держать десную руку свою „согбену, яко благословляше ея“. Да какъ же Фотій могъ бы узнать по согбенію руки Іоны, что онъ „яко благословляше ея“, если бы перстосложеніе святительское и іерейское для благословенія не отличалось тогда отъ перстосложенія всѣхъ вѣрующихъ для крестнаго знаменія, а было одно и то же *)? Въ такомъ случаѣ Фотію, при видѣ спавшаго

напечатанную съ древлеписменной въ Москвѣ 1775 года, и Минею-четію, марта 31, въ житіи св. Іоны митрополита.

*) На собесѣдованіи въ селѣ Архангельскомъ Куракинѣ, происходившемъ 12 декабря 1888 года, раскольниковскій начетчикъ, по поводу приведеннаго здѣсь свидѣтельства изъ Степенной книги, сдѣлалъ такое возраженіе, котораго раньше намъ не приходилось встрѣчать ни въ противу-раскольниковской литературѣ, ни на устныхъ собесѣдованіяхъ съ старообрядцами и которое на первый взглядъ можетъ показаться довольно сильнымъ и основательнымъ. Онъ именно сказалъ, что митрополитъ Фотій могъ узнать по согбенію руки Іоны, что онъ „яко благословляше ея“, даже и въ томъ случаѣ, если перстосложеніе святительское и іерейское для благословенія не отличалось тогда отъ перстосложенія всѣхъ вѣрующихъ для крестнаго знаменія, а было одно и то же. Узнать это, по словамъ раскольниковскаго начетника, митрополитъ Фотій могъ не по согбенію перстовъ на рукъ инока Іоны, а по направленію этихъ перстовъ. Что рука инока Іоны была сложена для благословенія, это митрополитъ Фотій опредѣлялъ будто-бы на томъ основаніи, что персты на рукъ инока Іоны были направлены не къ лицу его, какъ это обыкновенно бываетъ при крестномъ знаменіи, а въ сторону противоположную, какъ это должно быть при пастырскомъ благословеніи. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе раскольниковскаго начетника было

Ионы, всего естественнѣе могло бы придти на мысль, что, вѣрно, инокъ, какъ молился предъ сномъ, такъ и заснулъ, усталый, съ тѣмъ же молитвеннымъ перстосложеніемъ, и не было бы повода ни удивляться, ни предсказывать о будущемъ святительствѣ Ионы. Необходимо согласиться, что въ началѣ XV вѣка у насъ на Русь, какъ и въ Греціи, дѣйствительно употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, а другое для крестнаго знаменія. А въ виду приведенныхъ выше свидѣтельствъ отъ святыхъ иконъ объ употребленіи въ древности для благословенія пмснословнаго и близкаго къ нему двуперстнаго сложенія, необходимо также согласиться и съ тѣмъ, что во дни митрополита Фотія для крестнаго знаменія употреблялось именно троеперстное сложеніе руки, а не двуперстное. Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ то время молебное сложеніе руки было двуперстное, то оно ничѣмъ бы не отличалось отъ сложенія руки благословляющей или отличалось бы отъ него слишкомъ мало, при каковомъ условіи у митрополита Фотія не было бы повода сдѣлать то именно заключеніе о рукѣ инока Ионы, какое онъ сдѣлалъ о пей, по свидѣтельству Степенной книги.

сказано, что по одному положенію руки инока Ионы митрополитъ Фотій не могъ догадаться, что эта рука сложена для благословенія, такъ-какъ при благословеніи рука должна находиться не на главѣ и вообще не на какой-либо другой части тѣла, а ниже главы, противъ груди, и притомъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, а не должна быть приложена къ какой-либо части тѣла. Въ силу этого необходимо предположить, что вниманіе митрополита Фотія главнымъ образомъ было обращено не на направленіе перстовъ руки инока Ионы, а на способъ ихъ сложенія, изъ каковаго Фотій и заключилъ, что инокъ Иона „яко благословляше“ своею рукою. Противъ этого объясненія старообрядческій начетчикъ ничего не возразилъ.

Итакъ, свидѣтельства о древности именованнаго перстосложенія для благословенія потому именно могутъ быть приводимы въ качествѣ свидѣтельствъ о древности троеперстнаго сложенія руки для крестнаго знаменія, что только это послѣднее сложеніе довольно опредѣленно отличается отъ именованнаго, тогда какъ двуперстное имѣетъ съ нимъ большое сходство и потому съ трудомъ можетъ быть отъ него отличаемо.

А. Орловъ.

Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства въ Петровскую эпоху *).

Ни одинъ вопросъ, имѣющій важное жизненное значеніе,—къ какой бы области онъ ни относился,—никогда не рѣшается, какъ свидѣлствуетъ исторія, сразу. Много проходитъ онъ обыкновенно различныхъ стадій, прежде чѣмъ достигнетъ окончательно послѣдняго пункта въ своемъ развитіи. Будучи приложимо ко всѣмъ важнымъ вопросамъ, сказанное относится также и къ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Въ настоящее время духовенство получаетъ свое содержаніе, главнымъ образомъ, отъ платы за требоисправленіе, отъ такъ-называемыхъ добродѣтельныхъ пожертвованій, а также и отъ земельныхъ угодій, приуроченныхъ правительствомъ къ той или другой церкви. Таково положеніе нашего вопроса на практикѣ. Что же касается теоретическаго его разрѣшенія, то здѣсь мы видимъ нѣчто иное: теорія еще не сказала по данному вопросу своего послѣдняго слова. Всѣхъ занимающихся теоретическимъ

*) При составленіи предлагаемаго очерка авторъ пользовался главнымъ образомъ статьею проф. Брикнера „Мнѣнія Посошкова о религіи и Церкви“. Русскій Вѣстникъ, 1878 г. кн. 6.

рѣшеніемъ нашего вопроса можно раздѣлять на два противоположные лагера. Одни стоятъ за обезпеченіе духовенства жалованьемъ отъ казны, другіе находятъ настоящее положеніе его вполне нормальнымъ и удовлетворительнымъ. Не вдаваясь въ теоретическое рѣшеніе вопроса, мы (въ видахъ чисто историческаго интереса) хотимъ только обратить вниманіе читателя на то, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ находился 200 лѣтъ тому назадъ—въ Петровскую эпоху. Мы увидимъ, что съ тѣхъ поръ онъ подвинулся впередъ очень немного.

Лицомъ, которое затрогивало въ Петровскую эпоху вопросъ о матеріальномъ положеніи духовенства, является иѣкто Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Онъ занимаетъ очень видное мѣсто среди небольшого количества литературныхъ дѣятелей своего времени. По происхожденію Посошковъ былъ простой крестьянинъ, не получившій систематическаго школьнаго воспитанія. Но этотъ „простецъ“, „въ разумѣ и художествахъ младенецъ“,—какъ онъ отзывался самъ о себѣ,—былъ человѣкъ чрезвычайно умный отъ природы, предпріимчивый и изобрѣтательный; кромѣ того, онъ былъ весьма начитанъ. Благодаря указаннымъ качествамъ, онъ, по собственному сознанію, не имѣя „ни слѣда, какъ по надлежащему достоинству писать“, тѣмъ не менѣе написалъ очень много дѣльныхъ сочиненій, въ которыхъ затрогивалъ и разрѣшалъ разные существенные вопросы жизни и нерѣдко чрезвычайно основательно и глубоко. На ряду съ другими вопросами его не мало интересовалъ и вопросъ о матеріальномъ положеніи духовенства.

Посошковъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о значеніи духовенства вообще—о его авторитетѣ въ средѣ паствы и о власти (духовной) священниковъ. Въ своемъ сочиненіи „Зерцало суетмудрія раскольника“, онъ, обличая неправиль-

ный образъ мыслей приверженцевъ безпоповщинскаго толка, между прочимъ пишетъ, что духовнымъ лицамъ Богъ вручилъ ключи царствія небеснаго и что, поэтому, безъ нихъ никто не можетъ войти въ него. Сообразно такому взгляду, въ другомъ своемъ сочиненіи „Завѣщаніе отеческое“ Посошковъ совѣтуетъ своему сыну садиться въ гостяхъ за столомъ ниже „пресвитера, или діакона, или монаха“. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ наставленіе, что нужно чтить пастыря, считать его отцомъ, давать ему лучшую пищу. Позволять себѣ насмѣшку по отношенію къ духовному отцу—великій грѣхъ: такого человѣка весьма строго накажетъ Богъ. Даже если случится видѣть священника въ пьяномъ видѣ, то и тогда ему нужно оказывать почтеніе, „обаче данный ему отъ Бога даръ (священства) не пьянъ, но дѣйствителенъ есть. Духъ бо Святый имъ дѣйствуетъ: и никогда вдохновенный отъ Самого Бога во пресвитеры даръ Духа Святаго не отъемлется“. Говоря о томъ, насколько должно прости-раться уваженіе насомыхъ по отношенію къ лицамъ духовнаго званія, Посошковъ требуетъ также, чтобы сынъ его почиталъ архіереевъ и іереевъ „несравненно съ царскими слугами“ (т. е. свѣтскими лицами), причемъ, въ качествѣ побудительнаго мотива, присовокупляетъ: „да и ты отъ Бога почтенъ будеши“.

При такомъ высококомъ взглядѣ на духовенство, Посошковъ, естественно, хотѣлъ, чтобы оно представляло собою идеаль какъ умственнаго, такъ и нравственнаго совершенства, каковымъ качествамъ соотвѣтствовалъ бы и самый внѣшній видъ священно-служителей. Такъ, напримѣръ, онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы священники твердо изучали основанія „христіанскихъ ересей“, т. е. догматы лютеранскаго, реформатскаго и католическаго исповѣданій, но и главныя основанія магометанства, іудейства и другихъ религій, чтобы въ

потребномъ случаѣ имѣть полную возможность „уличить ихъ“. Что касается нравственности и внѣшняго вида духовенства, то въ этомъ отношеніи Посошковъ выражаетъ слѣдующія пожеланія. „Хорошо бы такъ священный чепъ управить, чтобы они были отъ мірскихъ людей вовсе отмѣнны, не токмо, что однимъ платьемъ, но и во всякомъ пребываніи, чтобы хожденіе ихъ было тихо, ступаніе кротко, взоръ тихъ и слово гладко и умирительно .. также надо имѣть и всѣмъ церковникамъ тихость и смиреніе во всякомъ поступкѣ, а отъ пьянства бы вси (изъ) церковнаго причта весьма удалялись“. Посошковъ былъ твердо увѣренъ, что если бы его идеалъ духовенства осуществился на Руси, то послѣдняя много бы выиграла. Если, говоритъ Посошковъ, на Руси будетъ духовенство, высоко умственно и нравственно развитое, то „Россія наша яко отъ сна пробудится и просвѣтится яко солнце“.

Къ сожалѣнію, современная дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала скромнымъ желаніямъ Посошкова, что онъ и самъ ясно сознавалъ. Послѣднее видно изъ того, что въ своихъ сочиненіяхъ, затрогивающихъ бытъ духовенства, онъ очень часто указываетъ на крайнее его невѣжество. Духовенство, по словамъ Посошкова, безсильно дать отпоръ не только „лютеранской и кальвинской ереси, но и самому „дурацкому расколу“; нерѣдко въ средѣ его и вовсе полуграмотные и даже безграмотные члены. Горько жалуется Посошковъ и на нравственную распущенность духовенства, особенно часто указывая на его страсть къ пьянству. Нерѣдко указываетъ онъ также на нерадивость духовенства по отношенію къ исполненію своихъ прямыхъ и священныхъ обязанностей. Такъ, онъ жалуется, что пресвитеры не только не пекутся о томъ „еже бы отъ погибели ихъ (пасомыхъ) отвратити“, но и „потакають имъ, и того

ради церкви всё уже запустѣли, и тако было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталось“.

Какъ на причину упадка духовенства въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, Посошковъ указываетъ на полнѣйшую его необразованность, зависѣвшую отъ отсутствія самыхъ элементарныхъ школъ въ Россіи, о заведеніи которыхъ поэтому Посошковъ сильно хлопочетъ. Что же касается нерадиваго отношенія къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, то этотъ крупный порокъ духовенства Посошковъ объясняетъ исключительно небезопасностью его въ матеріальномъ отношеніи.

И дѣйствительно, если вѣрить Посошкову (а не вѣрить ему нѣтъ положительно никакихъ основаній), то положеніе духовенства Петровской эпохи въ матеріальномъ отношеніи было самое непривлекательное. Духовенство ни по внѣшнему своему виду, т. е. по одеждѣ, ни по образу жизни ничѣмъ не отличалось отъ простыхъ крестьянъ. Не только сельское духовенство, но нерѣдко и городскіе священники,—естественно—болѣе состоятельные,—носили одежды „гнусныя и раздранныя“, а если иной священникъ имѣлъ и исправную одежду, то не „дѣмецкаго сукна“, а „сермяжную—сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашенныхъ“. Самое обычное явленіе во времена Посошкова представляло и то обстоятельство, что священники носили не сапоги, а лапти, въ которыхъ—по нуждѣ конечно—нерѣдко являлись и къ совершенію божественной литургіи, (что, впрочемъ, замѣчается въ средѣ духовенства и гораздо позднѣе изображаемой нами исторической эпохи).

Внѣшнему виду духовныхъ лицъ Петровской эпохи вполне соответствовалъ и образъ жизни ихъ, какъ сказано, ничѣмъ

не отличающійся отъ образа жизни простыхъ крестьянъ. „У насъ сельскіе попы, говоритъ Посошковъ, люди самые простые: возрастаютъ они въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляютъ. А что Богъ възвѣститъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческая велика, того не знаютъ“... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ то же самое. „О селѣ я не извѣстенъ, какъ дѣлается въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о селѣ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отлѣны: мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такого ихъ земледѣлія многіе христіане помираютъ, не только не сподобившіяся пріятія Тѣла Христова, но и покаянія лишаются, и умираютъ яко скотъ.

Само собою разумѣется, что, будучи озабочено исключительно пріобрѣтеніемъ насущнаго куска хлѣба, — притомъ при помощи такого тяжелаго труда, какъ земледѣліе, — духовенство не могло, какъ и указано выше, добросовѣстно относиться къ исполненію своихъ обязанностей. И нужно отдать полную справедливость Посошкову: обращая вниманіе на случаи нерадѣнія духовенства, онъ никогда не забываетъ объяснить ихъ заботами послѣдняго о пашиѣ. Примѣры этого мы только что видѣли. Приведемъ еще нѣсколько для полноты картины. Въ своей запискѣ къ митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому „О школахъ“ Посошковъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. „Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три пона да діаконъ, а на св. Пасху только два дня литургія была; а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдин на святой

недѣлѣ прежде сего не бывало: „То де тебя поопасались, что двѣ обѣдни были..... А у конхъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятокъ—другой не отслужить, понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть“. Въ томъ же сочиненіи Посошковъ говорить: „сельскіе священники мало церковныя службы отправляютъ, но пекутся паче о пашнѣ земли своей, да объ осеннихъ покосахъ и о иныхъ земледѣльныхъ дѣлахъ, а не о духовныхъ дѣлахъ, и въ такомъ пребываніи всю свою жизнь провождаютъ“. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ народномъ“ Посошковъ также ставитъ нерадѣніе духовныхъ лицъ къ исполненію своихъ обязанностей въ зависимость отъ ихъ матеріальной необезпеченности. „Ради земледѣльчества поповскаго, говоритъ онъ, стоятъ церкви Божіи, яко пустыя храмины, безъ славословія Божія..... и въ праздничный день, гдѣ было итти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетниками хлѣбъ молотить, и въ таковыхъ суетахъ живуще не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упasti“.

Посошковъ находитъ, что земледѣліе не только потому не должно составлять принадлежности духовныхъ лицъ, что оно отвлекаетъ ихъ отъ прямыхъ обязанностей, но также и потому, что оно вовсе не сообразно съ высотой ихъ сана. „Правильно, говоритъ онъ, имъ безъ пашни быть, понеже они есть слуги Божіи, и подобаетъ имъ, по Господню словеси, питатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія. А аще пресвитеру землю пахать, то церкви святой будетъ солгать и паству свою истерять“. Онъ идетъ даже далѣе. „Пресвитеру не токмо земли пахать, но и торговъ ему никакимъ не подобаетъ торговать и мастерамъ ему художественнаго дѣлать не надлежитъ, дабы и отъ того помѣшательства церковной службѣ и паствѣ духовной не чинилось“.

Убогое одѣяніе духовенства, приравнивавшее его по ви́шнему виду къ крестьянамъ-земледѣльцамъ; также кажется Посошкову несомнѣстимымъ съ важностью духовнаго сана. „Въ непотребномъ одѣяніи, говоритъ онъ, пресвитерамъ и діаконамъ ходить отнюдь не подобаетъ,— понеже они слуги суть Божіи и предстоятъ у престола Божія, жертвы приносяще за цари и за вся христіаны“. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы священники носили „рясы широкорукавныя и длинныя“, чтобы эти рясы шились не изъ домашняго грубаго, а изъ „нѣмецкаго сукна“, а если и изъ домашняго, то „сермяжныя сукна бѣлыя красили бы въ вишневою или лазоревую краску“. Головной уборъ духовенства также обращаетъ на себя вниманіе Посошкова: онъ выражаетъ желаніе, чтобы у священниковъ „шапка была съ бобромъ или лисицею—круглая“. Особенно же онъ вооружается противъ лаптей. Желательно, говоритъ онъ, чтобы у священниковъ „сапоги были низкіе, переды (у нихъ) круглыя, а лаптей бы отнюдь ни въ какихъ мѣстахъ не носили. И съ запрещеніемъ отсѣщи сіе, еже бы отнюдь къ престолу Божію въ лаптяхъ не приступали; сіи бо не токмо чинъ свой, но и Божьей чести уятіе творять. Ради бо чести Божіей повелѣно пресвитерамъ у престола Божія служить во украшенныхъ ризахъ и по тому уставу иной пресвитеръ во время служенія своего возложить на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанныя и во всякой нечистотѣ обваленныя, а кафтанъ нижній весь гнусенъ... И цареву дѣло подлежить вести честно, а Божіе наипаче“.

Но откуда же духовенство, при своей полнѣйшей бѣдности, могло взять столько средствъ, чтобы, оставивъ земледѣліе, имѣть возможность соблюдать благоприличіе по отношенію къ ви́шней сторонѣ своей жизни? Посошковъ

такъ или иначе старается рѣшить этотъ весьма важный, по его мнѣнію, вопросъ. Общее положеніе, въ которомъ онъ формулируетъ свои мысли по данному вопросу, слѣдующее: „надобно... чтобы церковные служители питались отъ церкви, а не отъ землѣлія“. Такъ выражена эта мысль въ упомянутой выше запискѣ Посошкова къ Стефану Яворскому. Развивая эту мысль въ отеческомъ завѣщаніи, Посошковъ придаетъ ей нѣсколько не такой смыслъ, какой обыкновенно ей придается въ настоящее время. „Питаться отъ церкви“ у него не значитъ пользоваться доходами отъ совершенія требъ, а выражаетъ только ту мысль, что служба церковно-служителей должна оплачиваться прихожанами, на пользу которыхъ она направлена: прихожане должны установить опредѣленный взносъ въ пользу духовенства. „Аще установлено будетъ, говорить Посошковъ, еже попомъ сельскимъ и причетникамъ ихъ пашни не пахать и сѣна не косить, но пеиися имъ токмо о церковной службѣ да о паствѣ духовной“... то „вмѣсто пашни давать имъ дворяномъ и крестьяномъ (т. е. чтобы дворяне и крестьяне давали духовенству), кои у нихъ въ приходѣ, отъ своего приплodu десятую долю“. Далѣе въ томъ же сочиненіи говорится: „пресвитерамъ въ исповѣди дѣтей своихъ духовныхъ твердо подтверждати, чтобы неизмѣнно отъ всякаго приплodu, колико себѣ отложить на пищу, то безъ утайки и жалѣнія отдѣлили бы десятую долю какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ яицъ и изъ прочаго харчу, и отсылали бы въ церкви на пищу пресвитерамъ съ причетниками и нищимъ, кои при церкви живутъ“... Изъ приведеннаго отрывка видно, что Посошковъ желаетъ, чтобы для обезпеченія духовенства въ матеріальномъ отношеніи былъ установленъ опредѣленный взносъ въ его пользу со стороны прихожанъ, но въ то же время онъ возлагаетъ заботу о

приведеніи въ исполненіе своего желанія на само же духовенство, имѣя въ виду нравственное вліяніе послѣдняго на пасомыхъ. Читатель видитъ, — да и самъ Посошковъ вѣроятно отлично сознавалъ это, — насколько предлагаемая имъ мѣра къ матеріальному обезпеченію духовенства дѣйствительна. Во всякомъ случаѣ, при самомъ даже лучшемъ исходѣ, она могла обезпечить только тѣхъ священниковъ, которые дѣйствительно имѣли сильное вліяніе на своихъ прихожанъ (а много ли было такихъ въ Петровскую эпоху?). Большинство же духовенства, лишившись того, что могло доставить ему земледѣліе, должно было вовсе лишиться послѣдняго куска хлѣба. Что Посошковъ самъ не ожидалъ отъ предлагаемой имъ мѣры никакихъ практическихъ результатовъ, это видно изъ того, что онъ въ другомъ мѣстѣ „Завѣщанія отеческаго“, возвращаясь къ тому же вопросу — объ обезпеченіи духовенства, который, очевидно, сильно его интересовалъ, уже не полагается на нравственное вліяніе духовенства на прихожанъ, а выражаетъ болѣе практическое желаніе, чтобы за осуществленіе его проекта взялось само правительство. „А я мнѣніе свое предлагаю сицевое: еще возможно, учинить тако, чтобы прихожанъ всѣхъ у всякія церкви одесятствовать, чтобы отъ всякія своя пища отдѣляли церковникамъ десятину или двадцатину, какъ о семъ царское и архіерейское произыдетъ изволеніе, чтобы таковымъ порядкомъ были сыты и безъ пашни. А и правильно имъ безъ пашни быть, понеже они служатъ Божіи, и подобаетъ имъ, по Господню словеси, питатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія“.

Какъ существенное подспорье къ указанному выше главному средству обезпеченія духовенства, Посошковъ рекомендуетъ еще пользованіе тѣми самыми землями, которыми раньше обрабатывались духовенствомъ. Эти земли онъ со-

вѣдѣть, отдавать въ аренду, чтобы этими деньгами строить церковное строеніе (и между прочимъ дома причту) и цѣпцѣмъ бодвицы. Есть много оснований думать, что Посошковъ далеко не былъ чуждъ и той мысли, что духовенство должно быть обезпечено казеннымъ жалованьемъ, по крайней мѣрѣ онъ горько жалуется на то, что жалованья государева имъ (духовнымъ лицамъ) нѣтъ и чѣмъ имъ питаться Богъ вѣсть. Это горькое сѣдованіе объ отсутствіи со стороны правительства опредѣленнаго жалованья отъ казны, намъ кажется, ясно даетъ понять — въ чемъ состояли задушевныя мечты Посошкова. Болѣе нежели вѣроятно, что если онъ и предлагаетъ сборы въ пользу духовенства ватурою, то не потому, чтобы считалъ эту мѣру самою пригодною для обезпеченія духовенства, а потому, что о большемъ онъ не осмѣливался и думать, — настолько правительство было въ то время обременено множествомъ другихъ государственныхъ нуждъ не менѣе серьезнаго характера.

Голосъ Посошкова по вопросу объ обезпеченіи духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ, — съ цѣлью возвысить его и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи и увеличить по отношенію къ нему уваженіе со стороны прихожанъ, — вовсе не является одинокимъ въ Петровскую эпоху. Особенно интересно сопоставить его мысли по названному вопросу съ мыслями другого замѣчательнаго дѣятеля той же эпохи — Татищева. При этомъ сопоставленіи окажется, что Посошковъ — этотъ „мизирный крестьянинъ“, „простецъ“ и „невѣжда“ — совершенно сходенъ въ основныхъ взглядахъ на духовенство съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по своему образованію „птенцовъ гнѣзда Петрова“. Свои мысли о духовенствѣ Татищевъ выразилъ въ сочиненіи „Духовная“, содержащемъ въ себѣ разныя наставленія, отца къ сыну касательно разныхъ существенныхъ вопросовъ,

жизни. Между прочимъ Татищевъ совѣтуетъ своему сыну конецъ жизни проводить въ деревнѣ, предаваясь заботамъ объ устройствѣ положенія крестьянъ. Въ этомъ отношеніи первую заботою по возвращеніи дворянина въ имѣніе должна быть, по словамъ Татищева, забота о церквахъ и духовенствѣ. „Старайся имѣть, совѣтуетъ своему сыну Татищевъ, пока ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобы отъ него навозомъ не пахло. Голодный, хотя бы и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги же (т. е. за жалованье отъ помѣщика) онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, напѣвъ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ не прилично, и чрезъ то подлежащее почтеніе теряютъ“¹⁾.

Н. С.—новъ.

Отчетъ о состояніи Пензенскаго Епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1888—9 учебный годъ²⁾.

VI. Библіотека и физическій кабинетъ.

Для фундаментальной бібліотеки въ отчетномъ году приобрѣтено 11 названій въ 14 книгахъ, преимущественно рекомендованныя Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ или Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изъ журналовъ выписывались: Церковныя Вѣдомости,

¹⁾ Полевой. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Ч. II, стр. 15—16. Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Ч. II, отд. 1-й, стр. 101.

²⁾ Окончаніе. См. № I.

Церковно-приходская Школа, Душеполезное Чтеніе, Семейные Вечера, Родникъ, Дѣтскій Отдыхъ, Дѣтское Чтеніе. Кромѣ того училище получаетъ бесплатно Цевзенскія Епархіальныя Вѣдомости. Къ началу текущаго учебнаго года училищная библіотека имѣла: а) учебныхъ руководствъ и пособій: 1) по закону Божию 54 названія въ 63 книгахъ; 2) по русскому языку, словесности и чистописанію 70 названій въ 87 книгахъ; 3) по географіи 25 названій въ 32 книгахъ; 4) по исторіи 22 названія въ 41 книгѣ; 5) по арифметикѣ и геометріи 17 названій въ 19 книгахъ; 6) по физикѣ 4 названія въ 4 книгахъ; 7) по педагогикѣ и дидактикѣ 50 названій въ 54 книгахъ; по пѣнію 30 названій въ 49 книгахъ; б) книгъ для чтенія религіознаго содержанія 82 названія въ 103 книгахъ, литературнаго 191 названіе въ 265 книгахъ; всего 545 названій въ 717 книгахъ; в) журналовъ и газетъ 35 названій въ 471 книгѣ; атласовъ, картъ и рисунковъ 71. Учебныхъ приборовъ (физическихъ, географическихъ и геометрическихъ) училище имѣетъ 92. Своекоштные воспитанники приобрѣтали учебники и учебныя принадлежности на средства своихъ родителей, по опред. сѣзда духов. отъ 28 ноября 1879 г. Снабженіе руководствами воспитанницъ сиротъ производилось на училищныя суммы: каждая двѣ воспитанницы имѣли по одному экземпляру каждаго руководства. Пособія и книги для чтенія давались воспитанницамъ по рекомендаціи преподавателей.

V. Средства училища.

Къ началу 1888—9 учебнаго года оставалось училищныхъ суммъ: а) билетами и другими денежными документами 24,918 р. 5 к., наличными 679 р. 75 к., всего 25,597 р. 80 к. Въ 1888—9 году поступило на приходъ

29,502 р. 32 к. Въ томъ числѣ: 1) отъ благотворныхъ: а) по взносамъ съ церковной земли 1,284 р. 40 к., б) по пригласительнымъ листамъ 946 р. 55 к., в) на жалованье преподавателямъ 1,075 р. 55 к., г) подушнаго сбора 1,563 р. 43 к.; 2) изъ Епархіальнаго Попечительства 1,085 р. 79 к.; 3) отъ редакціи Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 300 р.; 4) по взносамъ своекоштныхъ воспитанницъ за содержаніе и обученіе 10,732 р. 11 к.; 5) отъ свѣчнаго епархіальнаго завода 9,602 р.; 6) пожертвованныхъ разными лицами 1,437 р.; 7) процентовъ на училищные капиталы 656 р. 77 к.; 8) отъ сдачи училищнаго сада 246 р. 32 к.; 9) на пополненіе стипендій протоіерея Масловскаго 300 р.; 10) мелкихъ поступленій 272 р. 52 к. Общая сумма расхода 27,037 р. 11 к. Въ томъ числѣ: а) по содержанію дома 5,269 р. 69 к., в) на жалованье пачальствующимъ и учащимъ 8,990 р. 64 к., г) прочихъ расходовъ 430 р. 63 к.

VI. Седьмой педагогически-практическій классъ и образцовая при немъ школа.

Въ VII-мъ классѣ, для практической подготовки къ учительской дѣятельности въ церковно-приходскихъ школахъ, равно для ознакомленія съ важнѣйшими положеніями гігіены и медицины, оставались по окончаніи курса 10 воспитанницъ. Въ концѣ года онѣ были испытываемы посредствомъ пробныхъ уроковъ въ двухъ отдѣленіяхъ образцовой школы въ степени знакомства съ методами и приѣмами начальнаго обученія. Онѣ давали уроки по русскому языку, по гражданскому и церковно-славянскому чтенію, по письму и по ариметикѣ. Всѣ педагогистки оказались по испытанію достаточно подготовленными къ преподаванію въ церковно-приходскихъ школахъ. На испытаніи по гігіенѣ и

медицинѣ воспитанницы VII-го класса обнаружили также удовлетворительное знакомство съ условіями внѣшняго благоустройства (домашней и семейной жизни. Онѣ имѣютъ, напр., свѣдѣнія о составѣ воздуха и вредныхъ къ нему примѣсахъ; о вентиляціи въ различныя времена года; о значеніи климата и почвы для жилищъ, устройствъ дома, освѣщеніи и отопленіи; о водѣ и способахъ очищенія ея; о способахъ удаленія нечистотъ, о напиткахъ. Но въ особенности оказались воспитанницы ознакомленными съ такими свѣдѣніями, какія необходимо имѣть матери для правильнаго физическаго воспитанія и содержанія дѣтей: какъ, напр., кормить грудныхъ дѣтей; какъ ходить за ними; какъ предупреждать расстройство желудка; какъ мыть и купать дѣтей; какъ содержать золотушныхъ дѣтей; какъ предохранять дѣтей отъ заболѣванія глазъ и какія принимать мѣры при заболѣваніи ихъ; какіе важнѣйшіе признаки заразныхъ болѣзней: кори, скарлатины, оспы, дифтерита, тифа, коклюша, холеры; какъ уберечь дѣтей отъ этихъ болѣзней въ семействѣ и школѣ, и въ случаяхъ заболѣванія какія мѣры до прибытія врача должна употреблять разумная мать. Седьмой классъ приноситъ воспитанницамъ оцѣнительную пользу. Оо. наблюдатели, одобрѣя вообще всѣхъ воспитанницъ, вышедшихъ изъ училища, съ особенной похвалою отзываются о тѣхъ, которыя практиковались въ VII-мъ классѣ. Такъ объ одной изъ нихъ о. наблюдатель пишетъ въ отчетѣ за 1888—9 годъ, что „несмотря на недавнее поступленіе въ школу, она сумѣла уже зарекомендовать себя усердіемъ къ дѣлу, знаніемъ педагогическихъ пріемовъ и толковостію въ обученіи“,—о другой, что „она усердна и опытна, заслуживаетъ особой похвалы“. 15и учениковъ, представленные этою учительницею къ испытанію для полученія права на льготу по воинской повинности, всѣ получили это право.

Въ образцовой школѣ, законоучителемъ состоятъ священникъ І. Феодосіевскій, студентъ семинаріи, учительницей бывшая воспитанница училища, З. Черноверская; поощителемъ, то бывшій директоръ учительской семинаріи, д. с. Ф. Р. Х. Хохряковъ, который за отличную усердную и весьма полезную дѣятельность въ званіи поощителя школы, удостоенъ благословенія Св. Синода съ выдачею грамоты и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Учащихся въ школѣ было 32 дѣвочки; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 11, въ младшемъ 21. Въ концѣ учебнаго года въ школѣ произведено было испытаніе, по которому 18 ученицъ младшаго отдѣленія, переведены въ старшее, а 3 оставлены на повторительный курсъ. Изъ 11 ученицъ старшаго отдѣленія 1 оставлена, а 10 получили свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса.

VII. Дополнительные свѣдѣнія.

Посѣщенія училища. Особенные случаи въ жизни училища. Пожертвованія.

Въ отчетномъ году 19 апрѣля посѣтилъ училище Преосвященный Виталій, епископъ Тамбовскій, пріѣзжавшій въ Пензу на погребеніе покойнаго Преосвященнаго Антонія, и о своемъ посѣщеніи сдѣлалъ записку въ особой книгѣ для высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ. Обстановка и строй училищной жизни, здоровый и бодрый видъ воспитанницъ, ихъ стройное нѣжнѣе вызвали одобреніе Архiepастрѣха. 26 мая на экзаменѣ по церковной исторіи явились присутствовать Преосвященный Василій, епископъ Пензенскій, и по окончаніи экзамена, напутствовалъ выходящихъ изъ училища воспитанницъ, наставленіями о томъ, какъ онѣ могутъ воспользоваться полученнымъ образованіемъ и какъ вообще должны вести себя въ

жизни. При этомъ Владыка убѣждалъ воспитанницъ не считать своего образованія оконченнымъ, но продолжать и усовершенствовать его на началахъ, положенныхъ школою; равно дѣлиться своими познаніями, особенно относящимися къ св. вѣрѣ и Церкви, съ другими людьми, напр. съ простымъ народомъ. Коснувшись нравственнаго настроенія юныхъ питомцевъ, Преосвященный предостерегалъ ихъ отъ самообольщенія, самомнѣнія, кичливой надменности своимъ образованіемъ, внушая держать себя со всѣми просто, добросердечно и привѣтливо. Въ день училищнаго храмоваго праздника (24 октября) литургію, совершенную покойнымъ Преосвященнымъ Антоніемъ, пропѣли, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сами воспитанницы съ точнымъ выполненіемъ всѣхъ особенностей архіерейской литургіи. Послѣ литургіи состоялся актъ, въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ почетныхъ лицъ. На актѣ инспекторъ (и. д.) прочиталъ составленную имъ записку объ училищѣ, закончившуюся прославленіемъ просвѣтителя Руси и основателя русской школы, св. равноапостольнаго князя Владиміра, память котораго торжественно праздновалась 15 іюля 1888 года, по случаю исполнившагося 900 лѣтія крещенія русскаго народа св. Владиміромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ воспитанницы пропѣли гимнъ (Случевского по переложенію Главача) въ честь св. Владиміра

„Вѣрою русской свободна

Незыблема наша держава“!

По окончаніи гимна лучшимъ воспитанницамъ были розданы награды, причемъ 16 ученицъ получили книги съ похвальными листами и 18—одни похвальные листы. Актъ закончился народнымъ гимномъ.

22-го октября 1888 года училище по совершеніи благодарственнаго Господу Богу молебствія по случаю дивнаго

спасенія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ страшной опасности при извѣстномъ крушеніи Царскаго поѣзда, особой телеграммой просило Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода повергнуть къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ чувства безпредѣльной радости учащихъ и учащихся. На всеподданнѣйшемъ докладѣ сей телеграммы вмѣстѣ съ другими телеграммами, по тому же случаю полученными Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода отъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ, а также учреждений духовнаго вѣдомства Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать: „Душевно благодарю всѣхъ“.

Пожертвованія, поступившія въ училище за отчетный годъ, были слѣдующія: отъ покойнаго Преосвященнаго на содержаніе двухъ сиротъ 160 р., 2) отъ почетнаго блюстителя А. М. Устинова на содержаніе 11 сиротъ 800 р., 3) отъ о. предсѣдателя Совѣта на содержаніе одной сироты 100 р., 4) отъ настоятеля Спасо-Преображенскаго монастыря, архимандрита Кирилла на содержаніе одной сироты 80 р., 5) отъ г-жи начальницы и преподавателей на содержаніе одной сироты 70 р., 6) отъ секретаря консисторіи Н. Соловьева на содержаніе одной сироты 80 р., 7) отъ священника с. Усть-Атмиса А. Миловзорова на содержаніе 1 сироты 80 р., 8) отъ монастырей 67 р.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Кончина преподавателя семинаріи Н. Ст. Озерскаго. — Извлеченіе изъ отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода. — Увеличеніе кредита на церк.-приходск. школы. — Новооткрытыя церк. школы и утвержденіе въ должностяхъ. — Отвѣтственность за публичное оказательство раскола. — Требования при иконописаніи. — Предположеніе о раздѣленіи Томской епархіи. — Воспрещеніе продажи картинъ беззастѣнливаго содержанія. — Отпуски учителей церк.-прих. школъ.

14 января, въ 5 часовъ утра, скончался преподаватель духовной семинаріи **Петръ Степановичъ Озерскій**. — Сотоварищи и ученики почившаго да помогутся о душѣ его предъ престоломъ Всевышняго. Біографическія свѣдѣнія, обстоятельства смерти и погребенія отлагаемъ до слѣдующаго №.

— Изъ всеподданнѣйшаго отчета г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1887 г. видно, что въ отчетномъ году въ предѣлахъ Имперіи состояло 62 епархіи, которыми управляли: 3 митрополита, 15 архіепископовъ и 44 епископа. Викаріевъ при епархіальныхъ преосвященныхъ было 35. Хиротонисовано въ 1887 г. пятеро. Два преосвященныхъ уволены на покой и трое скончались. Храмовъ было 43,173, молитвенныхъ и часовенныхъ домовъ—14,835; первыхъ увеличилось на 408, а послѣднихъ на 159. Кружечнаго и кошельковаго сбора поступило 4,549,354 р. 5 к., дохода отъ продажи церковныхъ свѣчъ 4,479,691 р. 13 к., пожертвованій на украшеніе и благолѣпіе мѣстныхъ церквей и на церковныя потребности 3,737,281 р. 93 к. Всѣхъ священно-служителей въ Имперіи въ 1887 г. было 101,920, именно: протоіереевъ и священниковъ 40,375, діаконовъ 11,212, причетниковъ 44,548; заштатныхъ священно-церковно-служителей 5,785. Число причтовъ, получившихъ содержаніе изъ суммъ Государственнаго казначейства въ

В 1887 г. равнялось 18,851. Общее число монастырей въ 1887 г. простиралось до 673, изъ нихъ мужскихъ 469, въ томъ числѣ 60 пархіеіейскихъ домовъ, 4 лавры, 230 штатныхъ и 175 заштатныхъ монастырей. Въ числѣ штатныхъ мужскихъ монастырей заключается 17 ставропигіальныхъ, 45 первоклассныхъ, 63 второго класса и 115 третьяго. Женскихъ монастырей 202. Монашествующихъ состояло 6,950 лицъ мужск., пола и 6,289 женскаго послушниковъ 4,711, послушницъ 16,685. Будущіе служители алтаря готовились въ 4 академіяхъ, 55 семинаріяхъ и 183 училищахъ. Общее число обучавшихся простиралось до 48,729, въ томъ числѣ обучавшихся въ академіяхъ было 831, въ семинаріяхъ 16,799 и училищахъ 31,092. На содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и другіе потребности по духовно-учебной части въ 1887 году издержано 5,173,785 р., въ томъ числѣ 1,553,477 р. изъ Государственнаго казначейства. Воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія для приготовленія къ обязанностямъ супруги и матери будущимъ пастырямъ души давалось въ 12 училищахъ духовнаго вѣдомства, состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, и въ 41 епархіальномъ женскомъ училищѣ. Въ училищахъ перваго рода обучалось 1,790 дѣвочекъ и во вторыхъ 9,500. На покрытіе расходовъ по содержанію женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства употреблено 252,050 р., на женскія училища епархіальныя издержано полтора милліона. Въ отчетномъ году церковно-приходскихъ школъ было 7,876 съ учащимися 147,939 мальчиковъ и 24,480 дѣвочекъ, школъ грамоты было 7,595 съ 87,257 мальчиковъ и 12,706 дѣвочекъ. Кромѣ того, въ тѣхъ и другихъ школахъ считается мальчиковъ 125,591 и дѣвочекъ 10,748, такъ какъ въ епархіальныхъ отчетахъ вѣтъ подраздѣленія учащихся по школамъ; а во всѣхъ 15,471 школахъ учащихся было

408, 721 обоого пола. На содержаніе церковныхъ школъ въ 1887—8 учебномъ году употреблено 1,117,695 р., въ томъ числѣ изъ средствъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта 175,000 р. и кромѣ того отпущено книгъ Синодальнаго изданія 158,581 экземпляръ и частныхъ изданій 202,326 экз.

— По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, ходатайство Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, объ увеличеніи кредита на пособія церковно-приходскимъ школамъ встрѣчено сочувственно въ Государственномъ Совѣтѣ. Поэтому въ нынѣшнемъ году, согласно представленію епархіальныхъ архіереевъ, въ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ правительственныя пособія церковно-приходскимъ школамъ будутъ увеличены.

— Открыты церк.-прих. школы: 1, въ с. Симилеяхъ саранск. у., гдѣ законоучителемъ утвержденъ свящ. В. Алкринскій, а учителемъ окончившій курсъ семинаріи В. Снѣжницкій, 2, въ с. Александровкѣ, городищ. у., гдѣ законоучителемъ утвержденъ свящ. П. Алявдинъ, а попечителемъ купецъ П. П. Петровъ, коему преподапо Архипастырское благословеніе Его Преосвященства за устройство зданія для школы, снабженіе ея классной мебелью и обезпеченіе учителя жалованьемъ.—1-й гильдіи купецъ Казѣвъ утвержденъ членомъ Керенскаго Отдѣленія Совѣта, а священникъ П. Яхонтовъ—законоучителемъ Архангельской школы.

— Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, согласно съ мнѣніемъ одного изъ послѣднихъ сѣздовъ епархіальныхъ преосвященныхъ, признаетъ необходимымъ, по свѣдѣніямъ „Русск. Вѣд.“ установить въ законодательномъ порядкѣ особія правила относительно отвѣтственности за публичное оказательство раскола. По этому поводу, какъ слышно, министерствами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи вносятся въ

государственный совѣтъ представленіе, въ коемъ, между прочимъ, предположено подвергать послѣдователей раскола, виновныхъ въ публичномъ оказательствѣ онаго, наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 189 улож. наказ.

— Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по словамъ „Гражданина“, обращено большое вниманіе на иконописаніе. При семъ выставляются требованія: 1) чтобы лики на иконахъ изображались согласно съ историческимъ преданіемъ, 2) чтобы безъ необходимости не обнажать тѣ или другія части тѣла; 3) чтобы лица изображались сообразно съ ихъ возрастомъ и трудами; 4) чтобы не допускалось ничего несогласнаго съ эстетическимъ вкусомъ, и 5) чтобы не было ничего неправославнаго.

— Въ Св. Синодѣ, по сообщенію Нов. Времени, разсматривается предположеніе о раздѣленіи Томской епархіи на двѣ части, съ введеніемъ новыхъ штатовъ и ассигнованіемъ суммъ на содержаніе обѣихъ епархій. Томская епархія будетъ называться „Томско-Барнаульской“, а новая „Омско-Семипалатинской“, съ резиденціей преосвященнаго въ Омскѣ.

— Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, какъ передаютъ газетныя извѣстія, обращено вниманіе на очень распространенную теперь тайную торговлю фотографическими карточками и картинами безнравственнаго содержанія, въ виду чего полиціей будутъ приняты мѣры къ прекращенію такой торговли.

— Одинъ учитель церковно-приходской школы, подъ предлогомъ болѣзни, прекратилъ занятія въ школѣ, отправившись для леченія въ село, гдѣ трудно ожидать медицинской помощи. По этому поводу Пензенскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, въ видахъ пресѣченія на будущее время подобныхъ случаевъ, вредно отзывающихся на ходѣ

обученія, постановилъ для руководства: 1) въ учебное время священникъ, завѣдующій школой, по уважительной причинѣ можетъ дать учителю отпускъ на 7 дней, если при этомъ опъ самъ или кто другой, вмѣсто уволеннаго въ отпускъ учителя, возьмется вести обученіе въ школѣ; 2) увольненіе же въ учебное время по уважительной причинѣ на срокъ отъ 7 до 14 дней могутъ быть разрѣшаемы только узкими отдѣленіями Совѣта, или наблюдателемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1. О значеніи свидѣтельствъ, подтверждающихъ древность именословнаго сложенія перстовъ для благословенія, **А. Орлова**.—2. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства въ Петровскую эпоху, **Н. С—нова**.—Отчетъ о состояніи Пензенскаго Епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1888—9 учебный годъ. —4. Внутреннія извѣстія.

Редакторы: { **А. Поповъ.**
 { **Н. Смирновъ.**
